

Сергей
Борисов

ГОД РОЖДЕНИЯ – 1941-й

Кто-то сказал, что детская память подобна фотоаппарату, из которого вынули пленку. Объектив открыт на полную диафрагму, а проявлять нечего. Однако кое-какие фрагменты, картинки жизни отложились и в моем младенческом сознании. Позже этот «видеоряд» дополнился рассказами моих бабушки и бабушки, мамы, старших друзей, с которыми пришлось пережить оккупацию. В конечном итоге и получился такой коллективный портрет, конечно же, далеко не полный, той страшной поры военного лихолетья.

НА ПАРНОЕ МОЛОЧКО

В моем паспорте есть эта запись: «Дата рождения 20.02.1941». Так уж вышло, что появился я на свет в год, который проклинает чуть ли не каждая семья в бывшем СССР. Тут уж ничего не поделаешь. Человек не выбирает, когда ему родиться. Итак, холодный с метелями февраль, по-белорусски – лютый. Белорусский город Лепель в Витебской области. Военный городок, где жила наша семья. Мама, старший брат, собака Джульбарс. Мой отец не собирался быть военным. Учился в техникуме на зоотехника. Но призвали и сказали: «Надо!» Тогда погон не носили. У отца на петлицах перед войной было два лейтенантских «кубаря». Как только потеплело, отец отправил жену с двумя детьми на Украину, где жили мамины родители. Как тогда говорили – «на парное молочко». Так мы и поехали – мама, пятилетний брат Витька, ну и я – у мамы на руках.

Парное молочко было лишь прикрытием. На самом же деле он хотел отправить семью подальше в тыл от надвигавшейся беды. Война уже вовсю стучалась в дверь, ее неминуемость никто не отрицал, особенно в среде военных, но грянула она неожиданно. С началом войны отец слал одну телеграмму за другой, требуя, чтобы мама ехала в Ленинград или Череповец, куда эвакуировался комсостав Лепельского военного училища, где служил отец. (Уже после войны мама узнала, что некоторые из уехавших, в том числе и их дети, умерли в блокадном Ленинграде от голода.) Последнюю телеграмму от отца почтальон доставил за день до прихода немцев, хотя часто в мемуарах пишут, что связь у нас тогда работала отвратительно плохо. А куда ехать, когда вокруг все гремит и пылает? Ситуация на юге страны стала катастрофической после сдачи Киева и гибели вместе с командованием Юго-Западного фронта (в Киевском котле оказались более по-

лумиллиона человек). После таких потерь путь на восток врагу был открыт, и немецкие части хлынули в эту брешь.

Как рассказывала бабушка, наши пехом отступали, с винтовочками да в обмочках, раненых везли на повозках, обступят, бывало, колодец, напьются водички холодной, и опять команда «Становись!». Невеселые были солдатики, стыдно было отступать, нас оставлять беззащитными. Дороги были забиты потоками беженцев и гуртами скота – коров, свиней, овец, которых угоняли в глубь страны, чтобы они не достались фашистам. Как рассказывала мама, один из гуртоправов попросился к нам на ночлег. Необычность этого человека заключалась в том, что он в течение нескольких дней нес на спине сломавшего ногу ягненка.

В тот год на Украине да и в Белоруссии уродился небывалый урожай зерновых. Пшеница уже перезрела, вот-вот начнет осыпаться. А убирать некому. Чтобы заработать лишний пуд зерна, мать ходила жать серпом пшеницу на колхозном поле. Бабушка, повязав на спине большой платок, помещала меня в этот своеобразный рюкзак и носила кормить. Получалось почти как у Тараса Шевченко: «Пошла в снопы, пошкандыбала, Ивана-сына годувала»... Как только наши скрылись за Плащаницей, – так у нас главная гора называлась, вроде как священная, там когда-то женский монастырь стоял, – тут и они покатили. На танках, мотоциклетах, на каких-то незнакомых машинах. Запыленные, уверенные в победе, на губных гармошках играют. Дедушка, бывало, выйдет к дороге, постоит, вернется в дом, вздохнет горестно: «Не увидать нам, Христа, больше наших сыновей. Разве остановишь такую силищу?» Да разве один наш дед в то время так думал? А бабушка сразу в слезы.

VAE VICTIS! ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ!

Из рассказов мамы: «Под вечер спустишь жнецы с гор – а в деревне уже немцы. Чужая речь, гвалт, мотоциклетки шныряют по улицам, куры кудахкают, поросята визжат. «Матка, млеко, яйки, курка – давай!» Все забились по хатам в ожидании самого наихудшего. Вот они заходят в дом. Все мы, забившись по углам, не спускаем с них глаз. К тому времени уже успели снять со стен фотографии своих мужчин в военной форме. В горнице, как и в любой украинской хате, стоял сундук – скрыня. В нем самое дорогое хранилось, так сказать, семейные реликвии. Шомполом взламывают чисто символический, чтобы дети не лазили, замочек. Заглядывают вовнутрь, на лицах – полное разочарование. Фу, ожидали увидеть парчу-жемчуга, а там какие-то тряпки, дурно отдающие нафталином. Тем же шомполом поддевают венки с лентами – память о бабушкиной свадьбе, рушники расшитые. Часть вещей брезгливо сбрасывают на пол. Прихватив два вышитых рушника, без единого слова покидают дом. После их ухода открыли настежь двери – выветрить чужой дух.

И так – до конца оккупации. Каждый немец, заходя в дом, старался прихватить хоть что-то для своих нужд. Никто из домашних даже не реагировал на это. «Пусть подавится», – обычно в таких случаях говорила бабушка. Но когда долговязый танкист попытался экспроприировать фаянсовый кувшин с надписью «20 лет РККА» (награда отцу за стрельбу из личного оружия), самая храбрая из нашей семьи, тетя Груня, решила прервать эту традицию. Она с таким остервенением накинулась на немца, что тот опешил и уступил трофей...»

Из двух десятых классов выпуска 1957 года нас осталось с десятков человек. Один из них – Петька Забожан, с которым мы сидели три года за одной партией, живет сейчас в Питере. Несмотря на то что мы призывались на службу из разных мест, я – из Казахстана, он из – Ленинграда, оба оказались моряками. Он – подводником, я – надводником. Только БЧ и флоты у нас были разные. Я позвонил ему в Питер и спросил, чем запомнилась ему немецкая оккупация. Он старше меня на три года и помнит, конечно же, больше.

«Никогда не забуду, как немец забирал нашу корову Лыску. Мать кинулась на защиту кормилицы. Тогда немец вытащил пистолет и выстрелил несколько раз в потолок прямо в хате. – Дословно передаю рассказ моего друга: – После таких весомых «аргументов» матери ничего не осталось делать, как отдать Лыску в руки врага. Он умело накинул лассо на ее рога и поволок со двора. Корова, признававшая только руки и голос матери, упиралась, редела. Мы ревели тоже».

РАМКА ДЛЯ ПОРТРЕТА ФЮРЕРА

Сразу же после прихода немцев в селе назначили старосту. Им стал Сема, единоличник, не пожелавший вступать в колхоз. Новая власть с чего начинается? Правильно, с портрета самого главного лица на стене в сельской управе. И вот мой дедушка Иван Филиппович, царство ему небесное, получает от Семы, представителя новой власти, заказ особой важности – рамку для большого портрета фюрера Адольфа Гитлера.

Дедушка невзрачный на вид, маленький, щупленький, уличная кличка Воробей. Но руки у него были золотые. Притом одна рука – крестьянская, другая – рабочая. Сноп пшеницы с нашего приусадебного участка красовался на районной сельхозвыставке – специально замеряли колос, он по длине был больше мужской ладони. Выращенную на нашем огороде тыкву не каждый мужик мог поднять. Вторая рука деда тоже от первой не отставала. На все большое село он – единственный столяр. На кроватях его конструкции спало полдеревни.

Дед родился в один год с Лениным, выходит, к тому времени он разменял уже восьмой десяток. Повидав многое на своем веку, даже в тюрьме успев посидеть за отказ идти воевать за царя, он усвоил одно важное в жизни правило – с любой властью, а тем более новой, неизвестной, лучше всего ладить. Дедушка выполнил заказ Семы в срок, по качеству – тоже не придерешься. Рассчитывал если не на вознаграждение, то уж точно на благодарность. Вместо этого получил нагоняй. Староста взял в руки рамку, постучал по ней ногтем и спросил: «Никак, из липы?» Дед, еще не уловив подвоха, радостно поддакнул. «Эх, ты, старый, жизнь прожил, а не знаешь, что у высшей расы не липа главное дерево, а дуб. Дуб – это власть, сила, у них даже главная награда – рыцарский крест с дубовыми листьями. Ты бы еще с осины рамку сделал!» А осина, как известно, в народе издревле считается проклятым деревом, за то что, по преданию, на ней повесился Иуда-предатель.

Второй рамкой, выполненной уже с учетом расовой теории, староста остался доволен. И облагодетельствовал нашу семью по-полному. «Твоему двору, – сказал он деду, – оказана большая честь, у тебя будут останавливаться на постой только немецкие офицеры». Дед, было, заикнулся, что в семье семь душ, трое детей, один грудной. «Еще благодарить будешь, немецкие офицеры – народ культурный.

Глядишь, и вам что-то перепадет». И с того времени, все два с половиной года, каждый вечер к нам на ночлег приводили новых постояльцев.

Наш дом был выбран для избранных представителей арийской расы еще и потому, что крыт железом, а не соломой, как абсолютное большинство хат в деревне. Еще до революции дед столярничал у француза-сахарозаводчика (село наше – центр сахаропроизводства на юге Украины). За какую-то рацуху (рационализаторское предложение) по улучшению технологии производства предложенную дедом, меье премировал его кровельным железом. Дед купил недостающую часть кровли, покрыл ею дом, и он стал выглядеть, как городской. Бабушка Кристина очень любила цветы. Каждый клочок свободной земли вокруг дома цвел и благоухал от весны до самых заморозков. От улицы до крыльца дома вела дорожка, обсаженная по обеим сторонам ирисами-касатиками и лилейниками (бабушка называла их петушками). Колодец с изумительно вкусной родниковой водой был обсажен розами. Колодец в деревне – сакральное место. Оккупанты считали иначе. Несмотря на протесты бабушки, немцы устроили у источника водопой для своих першеронов и надолго загадили это святое место.

ГЛАВНОЕ – ВЫЖИТЬ

Почти треть населения Советского Союза в течение короткого времени оказалась в условиях жестокой немецкой оккупации. Пришлось привыкать к новым условиям. Самое страшное в оккупации, говорила мама, это то, что ты – никто, пустое место, с тобой могут сделать, что угодно, и никто за тебя не заступится. Каждый следующий день для тебя может стать последним.

Как-то я спросил маму: «А к тебе немцы приставали, ты ведь тоже красивой была?» – «Ишь, какой любопытный! Был один случай. Я всегда была начеку, чуть какая опасность – в яму пряталась, а тут бдительность потеряла. Выскочила на улицу полураздетой, стиркой занималась. А откуда ни возьмись – немец, не офицер, но и не рядовой. Наверное, унтер-офицер. Увидел меня, и так ласково себе зовет: «Ком, ком!» Тут сарай рядом, понятно, зачем. Бабушка твоя увидела это и поняла, что меня нужно как-то спасти. Крикнула мне: «Варя, уходи от него спокойно, только не беги и не оглядывайся, вроде это тебя не касается». Легко сказать, спокойно, когда сердце колотится от страха, а ноги подкашиваются. Я – как рванула из всех сил, только заскочила за угол сарая, а сзади – бах! бах! – только щепки полетели. Немец воткнул в кобуру еще дымящий пистолет и, как ни в чем не бывало, удалился. Он, наверное, так развлекался».

В ста случаях за нарушения оккупационного режима полагались расстрел или виселица. Немцы пресекали даже желание близких соседей пообщаться друг с другом. Поражало их отношение к животным. За короткое время они уничтожили в селе всех домашних собак. Причина нелюбви к непородистым братьям нашим меньшим была уважительная: наши дворняги с появлением незваных гостей выли по ночам так, что выворачивало душу. А собачий вой не укрепляет воинский дух. Была у нас пепельного цвета кошка по кличке Мурка – настоящий член семьи. Немцев чуяла на расстоянии и старалась не попадаться им на глаза. Пряталась на чердаке, в бурьянах. Бабушка носила ей еду в определенное место. Так и дожидла наша Мурка до освобождения. Не

знаю, нравились ли немцам ночные лягушачьи концерты, которые гремели по весне после разлива речки Медянки, но живая природа была им неподвластна. Не подчинялась она новому «орднунгу».

Новые хозяева обещали отдать землю крестьянам в личное пользование, но так своего обещания и не выполнили. Колхозы немцы практически не распускали. Коллективным трудом ведь легче управлять. Перед самым их приходом колхозных буренок и другую скотину, которую не успели угнать на восток, люди быстро разобрали по домам. И пока немцы спохватились и приказали вернуть все обратно, часть скота уже была пущена под нож. Такая экспроприация значительно помогла пережить первую оккупационную зиму. Не решившись перейти на новую форму хозяйствования, оккупанты на базе колхозов создали так называемые «общие дворы», во главе которых поставили своих доверенных лиц, управляющих. Крестьяне пахали, сеяли, убирали, молотили так же, как и прежде, но добротная пшеничка теперь отправлялась в великий рейх. На заработанные немецкие трудовни получали свою долю. О высоких материях тогда особо никто не задумывался. Главное – выжить любой ценой, добыть хлеба, картофеля или иных продуктов для пропитания, достать хоть вязанку дров, а там, где не было леса, мешок соломы, чтобы не замерзнуть зимой.

Как рассказывала мама, если раньше бригадир стучал рано утром в окошко, поднимая ее на работу, то теперь полицай с нагайкой да на коне. Откуда взялись полицаи? Кого-то не успели призвать в Красную Армию. Кому-то удалось выскользнуть из окружения. Выбор у таких при новой власти был куцей – или в полицаи, или в Германию. Как говорится, слева – горе, справа – беда.

Уже после войны мне пришлось быть свидетелем попытки самосуда над одним из полицаев. Он стоял, прислонившись спиной к стене собственного дома, четверо детей обхватили ручонками его ноги, а вокруг бушевала разъяренная толпа, состоящая в основном из женщин. Многие из них возвращались с поля и были с вилами, серпами, граблями. И эти орудия труда могли в один миг превратиться в орудия убийства. Бывший полицай время от времени доставал из кармана какую-то справку с печатями о своей реабилитации, но толпе было на нее наплевать. Все кричали наперебой об обидах, которые причинил им этот человек во время оккупации. Был момент, когда с появлением милиционера толпа вроде поостыла, хотела уже расходиться, но свою порцию хвороста в огонь добавила голосистая женщина: «А кто мне вернет мою Ганночку, мою донечку, мою ясоньку? Ведь это ты, катюга, немецкий прихвостень отправил ее в Неметчину?» И замахнулась на него острым серпом. Милиционер выстрелил воздух, толпа отхлынула от жертвы. Стихийный сход вынес соломоново решение: семью полицай обижать не будут, но жить с ним в одной деревне не желают. Вскоре он исчез из села.

ХРУЩИ НАД ВИШНЯМИ ГУДУТЬ

Майский теплый вечер. Вечерняя заря засияла на небосводе. Мать еще не вернулась с поля. Почти как у Тараса Шевченко: «Хрущи (майские жуки) над вишнями гудуть». Не в упрек Тарасу Григорьевичу будет сказано, но я ни разу не видел, чтобы майские жуки – хрущи барражировали над вишнями, обычно они облюбовывали молодые побеги клена и, кстати, питались ими, хотя листья

клена и неприятны на запах. Но у майских жуков свои вкусы. Бабашка Кристина готовит прямо возле крылечка на треноге в казанке постную затируху. Блюдо незамысловатое. Муку брызгают водой и скатывают шариками разного диаметра, а потом бросают в кипяток. Хорошо бы заправить варево шкварочками. Но сало давно съедено. Дедушка в немецком френче, – за годы войны люди обносились донельзя, стыдные места нечем прикрыть, – дымит самосадам собственного производства. Самокрутки, заправленные его табаком, редко кто из сельских мужиков докуривал до конца – продирало до печенок. Бывало, дедушка угощал тютюном и любопытных немцев, те и вовсе оказались слабаками – после нескольких затяжек корчились в кашле.

Расспрашиваю бабушку, а какие оккупанты были самые злые? Бабушка, не задумываясь: «Мадьяры и финны, и еще те, которые с черепами на пилотках». «Много ты, старая, знаешь, – авторитетно поправляет ее дед, – финны у нас не воевали, они под Ленинградом безвылазно сидели. Ты еще забыла назвать этих, черт бы их побрал, – бельгийцев, они последними у нас стояли». «Ну, а немцы были разные, – продолжает бабушка. – Когда не было поблизости начальства, вроде и сочувствовали нам. Когда деда паралич разбил, плашмя лежал, немец-фершал подсказал, как поставить его на ноги. Но были и настоящие звери». «Да и не немец это был, а полячок, – поправляет дед. – Ощупал мою онемевшую правую руку и ногу, даже иголкой пятку поколол. Це не смертельно, сказал, – у пана от сильных переживаний – ревматизм». И подсказал, как его лечить. Нужно собирать много-много муравьиных личинок, запарить их кипятком, настоять на спирте, можно на самогоне, а потом и натирать этим настоем два – три раза в день. (Пишу об этом так подробно – авось кому-то тоже поможет этот народный способ.) А после этого сшить из кроличьих шкурок чехлы на пораженные руку и ногу, чтобы все время они были в тепле. Намучились мы с этими муравьями, они такие жалючие».

Дед, чуть оклемавшись, выкопал глубокую яму и запустил туда крола с крольчихой. Так у нас мясо появилось и схрон, где мама пряталась, чтобы ее не увезли в Германию. Яма была в пристройке и прикрывалась листом железа. Однажды кто-то из немцев ночью пошел «по-маленькому» и чуть было не провалился в яму, где в это время находилась мама со своей подругой. Заскочил в дом, что-то по-своему лопочет, одно слово только поняли – «партизан». Сидящие за столом немцы подняли своего товарища на смех, мол, пить надо меньше. Но нашей семье было не до смеха. За укрывательство моей маме полагался расстрел.

РАСКИНУЛИСЬ РЕЛЬСЫ ДАЛЕКО...

Сначала немцы только агитировали ехать на работу в Германию. Обещали, что добровольцы будут обеспечены хорошей работой и жильем. Плата тоже будет хорошей. О семьях оставшихся дома немецкие власти тоже позаботятся. Немало, особенно молодежи, клюнуло на эту приманку. А потом письма пошли оттуда зашифрованные, что жизнь в Неметчине далеко не сахар. Рабочий день – 12 часов, еда – баланда. Когда поток добровольцев иссяк, немцы привели в действие свой карательный аппарат. Чтобы девушек не угнали в Германию, их одевали в грязную одежду, мазали лица сажей, привязывали раздавленный чеснок на ночь к лицу и рукам. Язвы от чеснока долго не заживали. Некоторые пили настой из

махорки. Но немцы быстро раскусили эти хитрости. Чтобы выполнить разнарядку по отправке остарбайтеров в Германию, специальные команды начали устраивать облавы в местах скопления людей – на базарах и даже в церквях.

Учителем пения в нашей школе был молодой парень с музыкальной фамилией Иван Барабан. Веселый такой, на баяне залихватски играл. Иногда рассказывал о том, как оказался в Европе. Мать послала его в лесопосадку за хворостом, с топливом было туго. А тут облава, схватили его, увезли, даже родителям не сообщили. Вернулся только через четыре года. До сих пор помню куплет песни о немецкой неволе в его исполнении:

Раскинулись рельсы далеко,
По ним эшелоны гремят,
Они с Украины вывозят
В Германию наших девчат...

ЭХО СТАЛИНГРАДА

Из рассказов бабушки Христины: «Где-то к осени 42-го мы стали замечать, что настроение у наших постояльцев начало меняться. До этого они покультурному вечеряли. Одну, от силы две бутылочки шнапса за вечер выцедят из своих маленьких рюмочек, закусят – и на покой. А тут – бутылок стало больше на столе. До поздней ночи стали засиживаться, а главное – громко спорить. Часто в разговоре стали упоминать Волгу и Сталинград. Утром встанут, умоются, обязательно побреются, денщики рядом с приборами всякими мыльными стоят, зубы щеточками почистят, ремнями-портупьями обтянутся, сразу видно – культурные люди. Иные фотографии своих детишек белобрысеньких в чулочках да рюшечках с женами в красивых платьях показывают. Один, помнится, глядя на меня, расчувствовался, мать, видимо, свою вспомнил: «О мутти, мутти», – и как-то безнадежно махнул рукой: «Сталинград – капут». Видать, у этого самого Сталинграда им наши крепко хвост прижали. Перед тем как рассесться в подъехавшие легковушки, просят меня цветов нарвать на дорожку. Протягиваю им цветы, денщик все это снимает на фотоаппарат, а мои губы непроизвольно шепчут: «Чтоб тебя, антихрист, первая же пуля не обошла»... Да и что другое я им могла тогда пожелать, когда мои два сына и твой отец были на фронте, и о их судьбе мы ничегошеньки не знали?»

После Курской битвы немцы покатались назад, и тут в наших местах под Черкассами и Корсунем два Украинских фронта зажали их в тиски. Сначала немцы решили обороняться до конца, так Гитлер приказал, нарыли окопов, настроили блиндажей, даже в нашем огороде зенитка дулом вверх смотрела. Сражение обещало быть нешуточным, в образовавшемся котле оказалось несколько вышколенных немецких дивизий, в том числе хваленая танковая дивизия СС «Викинг». Некоторых сельчан начали переселять. Дед решил: «Останемся здесь, будут бомбить – в погребе пересидим. Накроет – всем братская могила, и гробы не понадобятся». Но пронесло. Учтя печальный опыт Сталинграда, немцы отказались от своего первоначального плана и стали готовиться к прорыву из котла. Во главе окруженной группировки был назначен генерал Штеммерман, боевой генерал, замерзший труп которого потом показывали иностранным корреспондентам. Говорят, по личному приказу маршала Конева его похоронили с воинскими по-

честями. Наступила распутица, украинские черноземы превратились в месиво. Захлебывались в этой грязи даже хваленые «тигры» и «фердинанды». Под покровом начавшейся метели ночью немцы пошли на прорыв. Части их удалось выскользнуть из окружения. Особым упорством и дисциплиной при арьергардных боях отличились бельгийские добровольцы из бригады СС Ваффен «Валлония». Потомки Тиля Уленшпигеля. Потрепанных в боях земляков, отправленных на отдых, Брюссель встречал, как героев.

...Уходили немцы из села под покровом ночи так тихо, рассказывала мама, что даже котелки не звякнули. Все лишнее бросили, дороги были забиты машинами разных марок, орудиями, снаряжением, брошенная техника растянулась на многие километры. А утром со стороны Плащаницы уже катилось долгожданное «ура» – наши вернулись! Мокрые, грязные, усталые. Сажали их в красный угол, как родных, под образа, угощали, чем бог послал. В этот день мне исполнилось три года.

ШУРКА-РАЗМИНЕР

После ухода немцев обнаружилась новая беда.

Еще в тридцатые годы немецкие минные технологии считались в Европе, по оценке специалистов, самыми совершенными. А в ходе войны появились мины со сложнейшей защитой от обезвреживания или же вообще установленные «на неизвлечение». На местах недавних больших боев, в том числе и в Корсунь-Шевченковском котле, земля была нашпигована смертоносным металлом. Саперные команды, следовавшие за фронтом, обезвреживали на скорую руку оставшиеся мины, бомбы, снаряды, которые легко было обнаружить. Саперов не хватало, и тогда военные на подмогу призывали местных жителей. Создавались команды «ястребков», разминеров, среди которых было немало подростков. Правда, в эти команды можно было попасть, когда тебе исполнилось 16 лет.

Но в селе еще были и пацаны. Их даже в мирное время всегда тянет к оружию, к играм в войнушку. А если настоящего оружия вокруг навалом, очень трудно не поддаться искушению воспользоваться таким богатством. Пацаны военной поры нюхали порох по-настоящему. Устроить фейерверк считалось пустячным делом. Ракетный патрон ставили на попа и обкладывали костерком, цветной заряд с треском летел вверх, освещая ночное небо то красным, то голубым цветом. Девчонки визжали от восторга. У каждого мальчишки дома, в потайном месте, был свой маленький арсенал. Особо ценились патроны от трассирующих зарядов, начиненные фосфором, который как бы разливался по земле зеленым светом. Существовала шкала обмена: например, за один брусок аммонала (им можно было глушить рыбу) отдавали с десятков редких патронов. Нередко детское любопытство оборачивалось страшным калеченьем. Когда наступало лето, только и слышно было: то там, то здесь кому-то оторвало ногу или руку, а то и разорвало на куски. Услышав взрыв, женщины бросали работу и бежали домой, моля бога, чтобы несчастье обошло их стороной.

У маминого любимого брата Михаила было четверо детей. Старшего из них, Шурку, моего двоюродного брата, несмотря на его юный возраст – 12 лет, в деревне сверстники уважительно называли «дедом» за умение разряжать самые хитроумные немецкие сюрпризы. Ни частые порки, которые ему устраивали

домашние, ни запиранья в погребе, ни уговоры не могли отвести его от этой пагубной страсти. Где-то в начале мая, уже после Победы, незаметно ускользнул он из-под бдительного надзора. Последней видела его пожилая женщина, возвращавшаяся с вязанкой хвороста из леса. Дорога шла мимо оврага, на дне которого трое пацанов колотили молотком по какой-то железной штуковине. Тетка попыталась их шугнуть, но те огрызнулись: «Давай, бабка, вали отсюда побыстрее, а то твой хворост долетит до дома быстрее тебя». И десяток шагов не сделала как взрывная волна опрокинула ее на землю. Мама водила меня на похороны. Помню три небольших белых гроба. На похороны собралось все село. Рассказывали, что в Шуркиной домовине была лишь одна рука. Остальное не нашли. Вой стоял стеной. За четыре года войны люди насмотрелись всякого, удивить их было нечем. Но эта нелепая смерть подростков потрясла всех. Шуркина мать, тетка Елизавета, в судорогах катаясь по земле, причитала: «Что же я отцу скажу, когда он вернется с фронта, чем оправдаюсь, что не сохранила, не сберегла тебя?» Не пришлось оправдываться тетке Елизавете. Через какое-то короткое время черный разносчик несчастий – сельский почтальон принес похоронку. Дядя Миша погиб на несколько дней раньше своего сына, в Берлине, 2 мая 45-го, когда берлинский гарнизон уже капитулировал.

А в какую графу потерь можно отнести смерть моего юного друга Ванечки? Он был голубоглазый, светловолосый, приходил учить играть меня в шашки, здорово у него это получалось. В тот злополучный день моросило, а потом подморозило. Наши огороды разделял немецкий окоп, вырытый в полный профиль еще во время Корсунь-Шевченковской битвы, да так и не засыпанный. Ваня проделывал этот путь ко мне не раз, но тут, перепрыгивая, видимо, поскользнулся на бруствере и неудачно упал на дно окопа. Бедолага, он долго метался по траншее, пытался зацепиться за обледенелые стенки, поцарапал до крови руки, кричал, отчаянно звал на помощь. Обессиливший, он свернулся клубочком и забылся. Обеспокоенные его долгим отсутствием, родители пошли искать. Нашли, отогрели, привели в чувство. Позже оказалось, что при падении мальчик повредил позвоночник. Заметили это поздно, о своевременной врачебной помощи тогда не могло быть и речи. У Вани вскоре начал сильно расти горб. Через некоторое время у него отнялись ноги, и его не стало. Эта смерть, такая несправедливая, так потрясла меня, что я заболел горячкой и целую неделю метался в бреду.

СТЕПА-ЛЕЙТЕНАНТ

Дом их стоял первым в начале причудливо извилистой сельской улицы. О таком говорят: звездами крытый, ветром подбитый. Ни плетня, ни забора, ни калитки, ни одного деревца. Просто дом в два небольших оконца. В нем жили мать и сын Степка, до войны – участник всех деревенских проделок. Колхозные баштаны мастерски обчищал под самым носом у сторожей. Как уж по-пластунски ползал, и ни разу не досталось ему соли в мягкое место. Но опасную черту не переходил. Всю оккупацию где-то на дальних хуторах, куда немцы не заглядывали, укрывался. Когда наши возвратились и стали подчищать и глухих, и хромых, он, приписав себе лишний годок, попросился на фронт. Чуть больше года провоевал в разведроту, вернулся – не узнать: хромовые сапожки гармошкой, галифе и гимнастерка

из добротного сукна, а на груди и справа, и слева – боевой орден и три медали. И все на нем так ладно сидело, хвастался, что это венских портных работа – закончил войну в столице Австрии.

Что могла предложить ему и таким, как он, умеющим только воевать, родная деревня? В лучшем случае – должность бригадного учетчика. В худшем – волам хвосты крутить (очень уж популярным в то время было это выражение). А им хотелось красивой жизни, такой, какую они увидели в Европе. И не когда-то, а именно сейчас. Они рассчитывали, что Родина будет долго носить на руках своих героев за их несравненную победу, но победный кураж прошел быстро. Наступили скучные, рутинные будни. По выходным дням бывшие фронтовики собирались в центре села на «топтуне», вели толковища, продавали всякий шурум-бурум: патефонные иголки, немецкие часы-штамповки, выдавая их за швейцарские, тонкие прозрачные чулки, от которых женщины сходили с ума. Особым спросом пользовались немецкие зажигалки – спичек ведь не было, перешли на кресала. Втихаря, из-под полы, предлагали игральные карты со стыдными картинками. Денег не было, взаиморасчеты чаще всего производились жидкой валютой – самогоном. Немало «утонуло» тогда в стаканах с мутной сивухой бравых ребят, чудом уцелевших под пулями на фронте. Были и такие, что приставали к бандитским шайкам и быстро оказывались на тюремных нарах.

Многие девчата в селе заглядывались на Степку-гусара. А он возьми да и закрути любовь с завмагом Ульяной. И не молода она уже была, да и красотой не блистала, но, как судачили в деревне, зато с кошельком. Свои отношения парочка открыто не афишировала, но в деревне от людей никуда не спрячешься. Стали замечать, что лейтенант бывает в самом злачном месте в селе, вроде корчмы. Там был закуток, тайный кабинет, где обслуживали избранных, стулья обтянуты белыми чехлами, свежее пиво из бочки, фирменное блюдо – зеркальные карпы, благо пруд был рядом. И на какие это шиши Степка застольничает и других угощает, судачили в селе, ох, не кончится это добром. Так оно и случилось. Недаром говорят, что такие отважные, как Степка, еще со времен Разина вначале мед пьют, а потом кандалы трут.

Однажды среди темной ночи запыхал сельский универмаг. До революции он принадлежал еврею Лейбе, порешили его в гражданскую то ли махновцы, то ли банда Зеленого. Пока на место пожара прибыли местные брандмейстеры, спасти уже было нечего. Утром мы, пацаны, разгребая еще не остывшее пепелище, находили почерневшие от огня монеты. Поползли по селу слухи, вроде того, что сельмаг не сам загорелся, а его подожгли, чтобы сокрыть большую растрату. Сначала арестовали завмагом Ульяну, а потом ниточка потянулась и к Степке.

Приехали из района Степку арестовывать. Подняли его тепленького с постели, хотя к обеду время шло – долго почивал от трудов праведных недавний служивый. Вывели на улицу. Застегивая нервно пуговицы своей гимнастерки, он начал кричать, что это беззаконие, что у него есть алиби, что, в конце концов, он офицер-фронтовик, проливал кровь за Родину, пока всякие тут в тылу с бабами воевали. «Ты опозорил честь офицера!» – в ответ ему главный опер, капитан, резко сорвал со Степкиного плеча золотой погон. Ошарашенный Степка не успел прореагировать на это, но когда милиционер попытался вырвать «с мясом» главную награду разведчика – орден Боевого Красного Знамени, тот

подтвердил, что на фронте не в обозе ошивался. Крутанулся на одной ноге, как балерина Уланова, а другой – поднятой на уровень груди, всех уложил вокруг. Толпа, собравшаяся к этому времени поглазеть на это зрелище, ахнула от восхищения. Тут навалились на него, руки скрутили, лицом в грязь положили, а он, харкая кровью, хрипел, обращаясь к главному оперу: «Не ты этот орден мне давал, а самый Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин, за самого ценного «языка», и не тебе, тыловая крыса, его у меня забирать!» Забросили его натренированные на таких делах бравые ребята в кузов полуторки, сами заскочили. Только и успел он прокричать, обращаясь к сельчанам: «Только мать мою не обижайте, она здесь не при чем!» Толпа расходилась молча и угрюмо. Больше Степку в деревне не видели.

КРАЛЯ И ЮНЫЙ СВИНОПАС

Нет, у нас в деревне немцы «добрые» были. Никого не повесили. Церковь не закрыли. Только на окраине села сожгли небольшой хуторок, который примыкал к подлеску, – остерегались партизан. Только самых красивых девушек сначала в блиндажи забрали в прислугу, а потом и вовсе увезли с собой. Одну из них видел уже после войны, когда учился в третьем или четвертом классе. Почему-то об этой встрече я вспоминал потом очень часто.

Дедушка завел было свинью, она опоросилась, принесла большой приплод. Выгода двойная – сало в кадушку, а молодец на продажу. Вопрос, кому ее пасти, решил сам собой – конечно же, самому младшему. Так я стал свинопасом. До этого с радостью сопровождал своих друзей, у которых были коровы, на пастбище, не раз напрашивался в ночное – пасти лошадей, но мать не пускала, мол, мал еще. А вот должность свинопаса стала для меня унижительной мукой.

Выгоняю я свое беспокойное хозяйство на улицу, там спорыш рос – свиное лакомство. А тут пара приближается, он и она, я их издалека еще увидел. Он – высокий военный, кажется, майор, мундир с глухим воротом несмотря на жару застегнут на пуговицы до самого горла. На груди – орденские планки. Вижу, как они остановились. Он вынул из кармана галифе бумажную салфетку и слегка прошелся по носкам запылившихся сапог. Она – пониже его, головку в какой-то заковыристой шляпке к нему склонила. На ногах чулки прозрачные, босоножки плетеные. Платье из такой тонкой материи, что даже легенький ветерок подол колышет.

Мои поросята загородили им дорогу. Я растерялся и, чтобы отогнать их, слегка щелкнул прутиком по спине одного из самых нахальных, тот завизжал. Мамаша свинья кинулась защищать своего детеныша. Они – ах! Я еще больше растерялся, не зная, что делать дальше. Я казался себе таким ничтожным перед этими красивыми людьми, босой, с грязными, в свином навозе, ногами, в коротких обтрепанных штанишках, с ляжкой через плечо. «Посмотри, какая прелесть, – пролепетала она, обращаясь к военному. – Мальчик-свинопас». Меня это слово прямо резануло. «Поросятки, как на картинке. Жаль, фотоаппарата нет, такой ценный кадр пропадает». Военный, как мне показалось, не разделял восторга своей спутницы, он вытащил из пачки «Казбека» папиросу, постучал ею по коробке, каким-то особым фасоном заломил мундштук и чиркнул золотистой зажигалкой. А она? Таких в нашем селе звали кралями. Нет, она была красивее всех наших

деревенских краль! Я боялся себе в этом признаться, но мне показалось, что я даже в нее влюбился. Они ушли, оставив после себя запах таких редких духов, что даже моя хавронья своим рылом-пятакoм повела. Они ушли, а я долго смотрел им вслед, ослепленный и оглушенный.

Много лет спустя, когда мама переехала жить ко мне в Алма-Ату, я напомнил ей об этой встрече и поинтересовался дальнейшей судьбой этой крали.

– Да ничего хорошего, – ответила она. – Сначала влюбился в нее молодой немецкий офицер. Проходу ей не давал и увез при отступлении с собой. Вся село об этом знало. В Германии, уже после окончания войны, она сошлась с нашим офицером. Видать, побоялась рассказать о своем настоящем прошлом, прикрылась, что ее угнали насильно, как и других. Приехала в село со своим новым мужем. А злые люди позавидовали, донос настрочили. Его с академии турнули. Вроде и простил он ее, а потом пошли упреки, обиды. В общем, разломалась их семья. Проклятая война, она не только многих убила, но и многим жизнь перекорежила. В том числе и нашу...

Мы с братом так и не дождались отца с войны. Он остался жив, но в нашу семью так и не вернулся.

